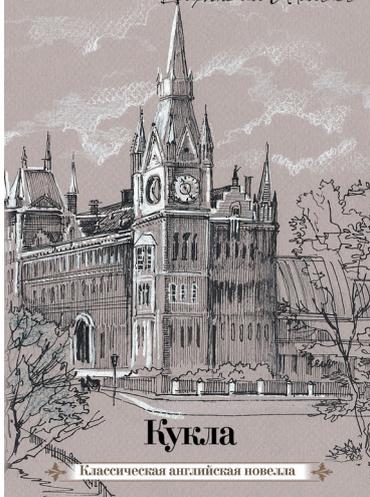

Дафна Ломорье
Daphne de Lamoignon

Кукла

Классическая английская новелла

Дафна Дюморье Кукла (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4614303
Дюморье, Д. Кукла (рассказы): Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-40639-3
Оригинал: DaphneDu Maurier, "The Doll. Short Stories"*

Аннотация

В данный сборник вошли ранние рассказы Дафны Дюморье. Они захватывают читателя и отражают мысли, тревожившие автора на протяжении всей жизни.

Без этих рассказов не было бы и легендарных «Птиц», превращенных великим Хичкоком в подлинный киношедевр.

Главным же украшением сборника остается завораживающая «Кукла».

Содержание

Об авторе	4
Предисловие	5
Восточный ветер	8
Кукла	14
Предисловие	14
* * *	15
Хвала Господу, Отцу нашему	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дафна Дюморье Кукла (сборник)

Об авторе

Дафна Дюморье (1907–1989) родилась в Лондоне. Ее отец, сэр Джеральд Дюморье, был известным актером-антрепренером, а дед Джордж Дюморье – писателем и художником. С ранних лет у девочки проявилась страсть к чтению. Вымышленный мир, описываемый в книгах, заворожил Дафну, и ее фантазия создала образ родственного по духу мужчины, близкого друга. Дафна Дюморье обучалась вместе с сестрами дома, а затем продолжила образование в Париже. В 1928 году она начала писать рассказы и статьи, а в 1931 году был издан первый роман «Дух любви». Затем вышли в свет биография отца и еще три романа. Но громкую славу принес роман «Ребекка», благодаря которому Дюморье заняла место в литературной элите и стала одной из самых популярных писательниц своего времени. В 1932 году Дафна Дюморье вышла замуж за майора Фредерика Браунинга. В этом браке родилось трое детей.

Помимо романов, перу Дюморье принадлежат сборники рассказов, пьесы и биографические книги. Многие известные романы писательницы легли в основу фильмов, которые впоследствии получили престижные награды. В 1969 году Дафна Дюморье стала кавалером ордена Британской империи. Большую часть жизни она провела в графстве Корнуолл, где развивается действие многих ее романов. Умерла Дафна Дюморье в 1989 году. В некрологе Маргарет Форстер пишет: «Ни одному из известных писателей не удавалось с таким блеском выйти за рамки определенного жанра... В ее произведениях полностью выдержаны все сомнительные критерии популярной литературы, однако при этом неукоснительно соблюдаются и строгие требования, предъявляемые «большой литературе». Качество, которым обладают лишь очень немногие авторы».

Предисловие

Итак, вы дочитали до конца рассказ «Кукла» и будто застыли, онемев от ужаса, у двери в полутемную комнату, где черноволосая Ребекка (да-да, это имя на некоторое время ввело в заблуждение, и так же, как я, вы пытались найти ключ к разгадке) пребывает в состоянии безумного сексуального возбуждения. Она лежит на тахте вместе со своим партнером, куклой в человеческий рост по имени Джулио, которая мерзко ухмыляется и кривит влажные темно-красные губы. Вы взволнованны, сбиты с толку и чувствуете себя весьма неудобно. Механическая кукла с подвижными частями тела? Об этом ли хотела рассказать автор? Да и существовали ли подобные игрушки в двадцатые годы прошлого столетия? Жутко и странно. Или, возможно, вы не так поняли смысл рассказа? Перечитываете его, поражаясь фантазии совсем юной писательницы, придумавшей такой сюжет.

Дафна Дюморье написала «Куклу» в двадцатилетнем возрасте. Первое произведение, написанное в Фоуи, куда она сбежала от распрей в семье, погрязшей в сплетнях и театральных интригах. Эта история повествует об одержимости страстью, и тайные желания и страхи, тревожащие разум молодой писательницы, просачиваются на страницы как вино сквозь воду.

Меня озадачило описание влажных красных губ Джулио, но потом, желая разобраться в сюжете рассказов, я прочла мемуары Дафны Дюморье «Я в юности», где она пишет, что первые поцелуи украдкой с кузеном Джеффри (который был старше на двадцать два года и успел дважды жениться) напоминали поцелуи Джеральда, ее отца. «Странное дело, все равно что целоваться с папой», – признается писательница. И тут я стала размышлять над именем «Джулио». Почти что «Джулиус», отец, питающий греховную, кровожадную страсть к собственной дочери в самом скандальном одноименном романе Дюморье, опубликованном пять лет спустя, в 1933 году.

Проблемы, волновавшие юную Дафну Дюморье, отчетливо просматриваются во многих ранних рассказах, и настоящий сборник, с моей точки зрения, самый интригующий и захватывающий, не является исключением. Фанатичная любовь к недоступной женщине, постыдные сексуальные отношения и использование различных средств для удовлетворения сексуальных потребностей, а также стремление к уединению, с одной стороны, и желание общаться с людьми, с другой, – все эти темы, освещенные в выдающихся произведениях более позднего периода, находятся здесь в зачаточном состоянии.

Неудивительно, что Джеральд Дюморье играет важную роль и его образ принимает угрожающий вид. Дафна бежала из Лондона и просила разрешения остаться в Корнуолле не только чтобы писать книги, но также желая избавиться от маниакальной любви отца, чьи подогреваемые вином вспышки ярости и обвинения причиняли страдания. Невинная детская игрушка превращается ночью в нечто вульгарное и постыдное, и это, вероятно, объясняет переживания юной девушки, открывшей для себя «порочный экстаз секса». Чувство вины, подобное несмыслаемому пятну, ярко выражено у героинь более поздних произведений, в частности у Хесты из второго по счету романа «Прощай, молодость», и, конечно же, у первой миссис де Винтер из «Ребекки», где оно проявляется в виде нимфомании.

«Кукла» не единственный рассказ, где таится скрытый намек на ситуацию, в которой отец не хочет, чтобы любимая дочь выросла и отдалялась от него. Возможно, «Восточный ветер» – самый сильный рассказ в сборнике. Дафна Дюморье написала его в девятнадцатилетнем возрасте. И снова в нем идет речь о разрушении. На сей раз непорочным раем является одинокий остров, отрезанный морем от большого мира. Местное население, подобно малым детям, пребывает в счастливом неведении и не подозревает о бушующих вокруг страстях. Гатри и Джейн чужды желаниям, и все идет хорошо, пока внезапно не меня-

ется ветер. И тогда «будто демон сорвался с цепи и обрушился на остров» или змей-искуситель обжег его пропитанным чувственностью дыханием, что привез с востока чужой бриг со смуглыми моряками и изобилием бренди. Пробуждается вождение, и Джейн, испытывая сладострастный трепет, оглядывается по сторонам из боязни, что ее состояние заметил муж, и впервые в жизни чувствует себя виноватой. Рассказ заканчивается жестоким убийством, так как не ведающую порока землю разрывает на части неистовый зов плоти, который не может остаться безнаказанным.

В таком же неприглядном виде предстает вспышка сексуальности и в рассказе «Котяра», где достигшая половой зрелости дочь с изумлением обнаруживает, что мать отрывается от нее и отказывает в защите, видя в ней соперницу. На сей раз речь идет о Мюриэл Дюморье, матери Дафны, чье хорошо известное двойственное отношение к средней дочери описывается в самых мрачных красках. И шуточные слова во время праздника: «С каждым днем ты все больше становишься похожей на мать. Как замечательно для вас обеих» – звучат проклятием.

Многие из рассказов в сборнике были написаны за зловещими стенами Кэннон-Холла, фамильного гнезда в Хэмпстеде, где Дафна Дюморье жила до двадцати двух лет. Даже после того как обнаружилось, что успокоить ее мятежную душу может только разрешение остаться в Фоуи и писать книги, по окончании каникул девушке было велено вернуться в Лондон. А там стремление родных ограничить свободу вызывает возмущение, о чем Дафна Дюморье и пишет в мемуарах «Я в юности». Она смотрит на окружающих сквозь «завесу ненависти», которая проникает в рассказы и становится почти осязаемой, будто слышишь, как писательница бормочет между строк оскорбительные замечания, характерные для любого, кто пытается заниматься литературной деятельностью в лоне семьи. «Доброй ночи, дорогая», – говорит героиня рассказа «Любая боль проходит» убитой горем подруге. Нежно целуя несчастную и глядя по залитому слезами, искаженному страданием лицу, она вдруг испытывает безумное желание рассмеяться.

Битву за право жить в Фоуи и писать книги удалось выиграть на двадцать третьем году жизни. К этому времени были опубликованы два рассказа, включенные в настоящий сборник: «Хвала Господу, Отцу нашему» и «Несходство темпераментов». В рассказе «Хвала Господу, Отцу нашему» тщеславный, любящий позлословить священник не спешит претворять в жизнь принципы, которые проповедует. Возможно, он является заготовкой образа безнравственного vicar в романе «Трактир “Ямайка”». «Несходство темпераментов» – история мужчины, которому порой требуется уединение, и женщины, вцепившейся в него мертвой хваткой и пытающейся проследить каждый шаг. Здесь проявляется способность автора существовать одновременно в двух ипостасях, благодаря чему читатель воспринимает слова, произносимые героями вслух, и одновременно проникает в их тайные мысли. Этот особый дар чудесным образом проявился впоследствии в романе «Паразиты».

В некоторых из ранних рассказов повествование ведется от лица мужчины, в двух – от имени потрепанных жизнью проституток. И как ни старается автор спрятать свои переживания за мужским костюмом или слишком коротким облегающим атласным платьем, наружу проступает боль, вызванная собственническим отношением Джеральда и покорной снисходительностью Мюриэл к его многочисленным романам, и скрыть ее не удастся.

«Ребенок, которому судьбой предназначено стать писателем, реагирует на любое дуновение ветерка», – пишет Дюморье в книге воспоминаний «Я в юности». Из ранних рассказов видно, как сознание наблюдательной нервной девочки, имеющей обыкновение до крови грызть ногти, так что однажды пришлось даже обратиться за помощью к врачу, формируется в условиях постоянной настороженности в ожидании предвестников бури. Когда всякий раз в преддверии очередной трагедии с замирающим сердцем ловишь на лице матери страдальческое выражение «нет, детям этого знать не надо». Сквозь цинизм рассказов «Уик-энд», «А

его письма становились все холоднее» и «Любая боль проходит», где жестокосердные мужчины и несчастные женщины утверждают, что в любви не бывает счастливых финалов, просматривается пронизательный юный ум со слабой верой в возможность любви и счастливого брака. Все это было бы невыносимо горько, если бы не полные восхитительного юмора меткие наблюдения, как в случае со стоящим у алтаря женихом, который смотрит на невесту, как пекинес на плитку шоколада.

С самого начала Дафну Дюморье отличала способность подарить читателю радость переживать прошлое и будущее сквозь призму иллюзорного настоящего, что отчетливо видно на примере полного удивительных пророчеств рассказа «Счастливая Лощина», опубликованного в ежемесячном журнале «Иллюстрейтед Лондон ньюс» в 1932 году. Подобно призраку, неотступно преследующему будущее самой писательницы, в рассказе присутствует атмосфера неотвратимости, фантастическая интуиция и предвидение грядущих событий на грани галлюцинаций, как в ее самом знаменитом романе, так и в реальной жизни. Здесь перед нами впервые предстает поместье Мэндерли. Героиня рассказа не может понять, почему оказывается во власти событий, случившихся в прошлом, которого она не переживала. Мятущаяся истерзанная душа обретает покой лишь во сне, где можно прижаться щекой к гладкой белой стене заветного дома, ставшего неотъемлемой частью жизни и завладевшего всем ее существом.

В сборник вошли более и менее удачные рассказы, но все они захватывают читателя и отражают мысли, тревожившие Дафну Дюморье на протяжении всей жизни. В ранних произведениях отчетливо видно умение автора проникнуть в психологические глубины, что впоследствии проявится еще ярче на примере героев будущих романов и биографий. А в этом сборнике попытки психологического анализа сосредоточены на ее собственных переживаниях.

Секс и страсть в сочетании с завистью и чувством вины – вот чего я ждала от Дафны Дюморье, когда вместе с другими возмнившими себя несчастными подростками зачитывалась ее книгами. А ведь именно в этом юном возрасте она начала писать свои первые произведения. Неужели же секрет ее популярности скрывается между строк ранних рассказов, таких как «Кукла» и «Восточный ветер»? И из глубин сознания каждого из нас мерзко ухмыляется Джулио? Может ли чувство стыда, принявшее изысканно-обостренный характер в более поздних произведениях, стать не индивидуальным, а всеобщим? Вот какие вопросы задавала я себе, перечитывая страницы, принадлежащие перу юной писательницы. К моменту их написания она уже начала выбираться из панциря одиночества и в то же время искала места, куда можно спрятаться, стремясь к уединению и свободе среди плеска морских волн, где можно полностью посвятить себя писательскому труду. И после опубликования первых рассказов Дафна Дюморье наконец получила такую возможность.

Полли Сэмсон

Восточный ветер

Примерно в сотне миль западнее островов Силли, вдали от главного морского пути, притаился скалистый островок, названный в честь святой Хильды. Бесплодный, не радующий глаз кусочек суши, покрытый крутыми утесами, уходящими глубоко в воду. В гавань ведет узкий, как ручей, залив, похожий на прорезанную в скале черную щель. Остров вздымается из морской бездны причудливым колючим обломком, величественным в своем одиночестве, бесстрашно подставляя угрюмый лик всем четырем ветрам. Словно неведомая сила в минуту страшного гнева вышвырнула его из недр Атлантики, навеки оставив дерзкий осколок противостоять яростной стихии. Более ста лет назад лишь немногие знали о его существовании, и моряки, заметив черный контур на горизонте, принимали остров Святой Хильды за скалу, возвышающуюся подобно одинокому часовому среди океана.

Население Святой Хильды никогда не превышало семидесяти человек. Все они были потомками первых поселенцев, приехавших с островов Силли и западной части Ирландии. Единственным средством к существованию служили рыбная ловля и земледелие. С появлением радио и берегового катера, что приходит на остров каждый месяц, жизнь существенно изменилась. А тогда, в середине девятнадцатого века, связь с Большой землей порой отсутствовала по нескольку лет, и люди деградировали, превращаясь в покорное апатичное стадо. Таков неизбежный результат браков между родственниками. Не было ни книг, ни газет, и даже маленькая часовня, построенная первыми поселенцами, пришла в запустение. Год за годом неспешно текла скучная жизнь, без новых лиц и свежих мыслей, способных нарушить привычное однообразие. Иногда на горизонте мелькал парус, и глаза островитян загорались любопытством, но неизвестный корабль, подобно далекому призраку, медленно таял в туманной дымке, предаваясь забвению.

Коренное население острова Святой Хильды состояло из людей миролюбивых, рожденных для безмятежного существования без тревог и волнений, такого же монотонного, как плеск разбивающихся о берег волн. Они ничего не знали о мире, находящемся за пределами маленького кусочка каменистой земли, где самыми важными событиями являлись рождение и смерть, да еще смена времен года. Человеческие страсти и великие горести обходили их стороной, а желаниям, что томились в неволе в потайных уголках души, так и не суждено было увидеть свет. Счастливые в своей слепоте, они, подобно детям, радостно брели ощупью в темноте, не стремясь найти выход из окружающего мрака. Внутреннее чутье безошибочно подсказывало, что на неведении зиждется благополучие, в котором нет места необузданным порывам и неистовству, где безраздельно царит не нуждающаяся в словах умиротворенность. Люди обычно ходили, потупив глаза в землю, так как устали смотреть на пустынное море без единого суденышка и на не меняющееся годами вечно одинаковое небо.

На смену лету приходила зима, дети выросли, превращаясь в мужчин и женщин, — а больше, собственно, ничего и не происходило. Далеко-далеко раскинулись неведомые земли, где обитали чужие непонятные люди. По слухам, они вели суровую жизнь, и мужчинам приходилось бороться за существование. Иногда кто-нибудь из островитян отправлялся на лодочке в сторону Большой земли, обещая вскоре вернуться и поведать, что творится в мире. Возможно, его поглощала морская пучина или подбирал проходящий мимо корабль, но назад так никто и не возвратился. Ни один человек. Даже редкие суда, бросавшие якорь в гавани Святой Хильды, вскоре навсегда исчезали в морской дали.

Будто и не существовало на свете острова Святой Хильды, а был он лишь пригрезившимся сновидением, плодом воображения моряков, что вздымается в полночь из бездны и, бросив вызов миру живых, снова исчезает в пучине. А спустя годы внезапно выныривает из забвения и мелькает ошеломляющей вспышкой в покрывшемся пеплом сознании, подобно

давно умершему воспоминанию. Но для местных жителей именно остров Святой Хильды и являлся реальностью, а изредка проходящие мимо корабли – бесплотными привидениями.

Весь белый свет сосредоточился на родном острове, а дальше – туманная, опасно ускользающая неопределенность. Настоящая жизнь проходила среди бесплодных скал и заключалась в общении с землей и рокоте волн, разбивающихся об утесы. В это верили непритязательные робкие рыбаки и забрасывали днем свои сети, а вечером сплетничали на пристани, никогда не задумываясь о землях, что находятся за морем. На рассвете мужчины снова отправлялись ловить рыбу, а когда сети были полны, возвращались домой и взбирались по крутой тропинке, ведущей к полям. Там они с флегматичным терпением обрабатывали землю.

У самой кромки воды сгрудились хижины, где на каждую семью приходилось не больше двух комнат. Склонившись над очагами, женщины с рассвета до наступления сумерек готовили еду и чинили мужчинам одежду, дружелюбно переговариваясь между собой.

На высокой скале особняком от остальных стояла хижина, выходившая окнами на бухту. Сейчас вместо нее возвышается уродливое здание радиостанции, но шестьдесят лет назад здесь находился дом старосты рыбаков острова Святой Хильды. Гатри и его жена Джейн жили, подобно детям, довольные друг другом, не ведая о страстях и страданиях.

С наступлением сумерек Гатри поднимался на утес и смотрел на море. Внизу, в бухте, покачивались на воде рыбацьи лодки, причалившие на ночь к берегу. Мужчины собирались на набережной и болтали о своих делах. Гатри слышал их голоса, к которым примешивался детский гам. Маленькая пристань была скользкой от брызг, рыбьей чешуи и крови. Из труб поднимался дым, извиваясь в воздухе тонкими синими струйками. Вскоре из хижины выходила Джейн и, приложив руку к глазам, всматривалась в даль в поисках мужа.

– Спускайся скорее! – звала она. – Ужин давно готов и скоро станет несъедобным.

Гатри махал в ответ рукой и направлялся к дому, задерживаясь ненадолго, чтобы в последний раз взглянуть на горизонт. Сегодня небо пестрело стайками клочковатых облаков, по маслянистой глади моря пошла легкая зыбь, а с востока уже слышался рокот прибоя. Гатри вслушивался в глухой гудящий звук – это море набирало силу, и прохладный ветерок все сильнее трепал волосы. Гатри сбежал вниз и предупредил столпившихся на пристани рыбаков:

– Разве не видите: подул восточный ветер! Небо – ни дать ни взять рыбий хвост, а волны так и бьются о скалы! Еще до полуночи начнется шторм и снесет вам башку. Море рассвирепело, как сам дьявол. Присмотрите-ка лучше за лодками!

Бухта была защищена от ветров, но все суденышки ставили на якорь, закрепляя с носа и кормы, чтобы их не разбило о причал.

Убедившись, что все в порядке, Гатри пошел к своей лачуге, примостившейся на скале, и молча принялся за ужин. В душе проснулось тревожное будоражащее чувство, и мирная обстановка хижины действовала удручающе. Он попробовал отвлечься починкой рыболовной сети, но никак не мог сосредоточиться на работе. Сеть выскользнула из рук, Гатри повернул голову и насторожился: вдруг почудился отчаянный крик, прорезавший ночную тьму. Нет, показалось. Только унылое завывание ветра да шум прибоя. Вздохнув, он стал вглядываться в язычки пламени, пляшущие в очаге. Непонятная тяжесть по-прежнему давила гнетущим грузом, не давая покоя.

А в спальне Джейн опустилась на колени перед окном и, прижавшись лбом к стеклу, вслушивалась в рокот волн. Отчаянно билось беспокойное сердце, руки дрожали, и отчаянно хотелось вылезти из хижины, умчаться в скалы, где можно в полной мере ощутить всю силу ветра. Яростный порыв ударит в грудь, отбросит с лица волосы, в ушах зазвучит его безумная песня, и едкий соленый привкус обожжет глаза и губы. Джейн испытывала страст-

ное желание смеяться и рыдать вместе с ветром и морем; широко раскинув руки, отдаться во власть неведомой силы, что окутает темным плащом и не даст затеряться в пустынных скалах среди высокой травы. И Джейн молилась, чтобы поскорее занялся рассвет и наступил новый день. Но не тихий и ласковый, как всегда, а обжигающий неистовым зноем поля, с ветром, что вздымает увенчанные белыми гребнями волны и несет разрушение. А она будет ждать на берегу, чувствуя, как мокрый песок холодит босые ступни.

За дверью слышались шаги, и Джейн, вздрогнув, оторвала взгляд от окна. В спальню зашел Гатри. Он угрюмо глянул на жену, и шума ветра не стало слышно. Супруги тихо разделись и, не обменявшись ни словом, легли рядом на узкую кровать. Гатри чувствовал тепло ее тела, но сердцем был далеко. Вырвавшиеся из темницы мысли умчались в ночь. Джейн понимала, что муж сейчас не с ней, и не пыталась его вернуть. Отодвинув холодную руку Гатри, она предалась своим мечтам, куда ему не было доступа.

Так супруги и спали вместе и в то же время порознь, словно покойники в могиле, души которых давно затерялись в вечности и преданы забвению.

С рассветом оба проснулись. На синем небе светило солнце, обжигая землю безжалостно палящими лучами. Гигантские волны в клочьях белой пены разбивались о скалу на берегу и захлестывали утесы, находящиеся за бухтой. А еще, не утихая ни на мгновение, дул восточный ветер, вырывая с корнем траву и расшвыривая в разные стороны раскаленный белый песок. Он победоносно прорывался сквозь туман, прокладывая дорогу по зеленым волнам, словно на остров обрушился сорвавшийся с цепи демон.

Гатри подошел к окну и стал всматриваться в занимающийся новый день. Вдруг с губ сорвался удивленный крик, и, не веря своим глазам, он выбежал из хижины. Джейн поспешила следом. В соседних хижинах тоже проснулись. Изумленные взоры людей были прикованы к бухте. Жители острова что-то выкрикивали, воздев руки к небу, и их взволнованные голоса с неразборчивыми обрывками слов уносил ветер. Свершилось чудо – в гавани над маленькими рыбацкими лодками возвышались мачты ставшего на якорь брига. Растянутые на реях паруса сушились в лучах утреннего солнца, а сам корабль мерно покачивался на волнах.

Гатри затерялся в толпе рыбаков на пристани, куда сбежалось все население Святой Хильды, чтобы поприветствовать чужестранцев с брига, высоких смуглых моряков с миндалевидными глазами и ослепительной белозубой улыбкой. Гости разговаривали на непонятном языке, и Гатри с приятелями принялись их расспрашивать, а женщины и дети обступили плотным кольцом, с нескрываемым любопытством вглядываясь в чужие лица и робко ощупывая одежду пришельцев.

– И как только умудрились отыскать вход в бухту при таком-то шторме?! – восклицал Гатри. – Ветер с морем словно взбесились, и ваш корабль, должно быть, привел к нам сам дьявол.

Матросы не понимали его слов и со смехом качали головами, скользя взглядами мимо рыбаков туда, где собрались женщины. Они улыбались и весело переговаривались между собой, радуясь приятному открытию.

И все это время беспощадно палило солнце и дул восточный ветер, иссушая воздух, словно дыхание преисподней. В тот день никто не вышел в море ловить рыбу. Гигантские волны с ревом проносились мимо входа в бухту, а рыбацьи лодки стояли на якорю, маленькие и жалкие рядом с чужим бригам.

На жителей острова Святой Хильды словно напало безумие: заброшенные рыболовные сети валялись без починки у дверей хижин, а наверху, на склонах гор, лежали неухоженные поля и цветники. Смысл жизни сосредоточился на гостях с заморского корабля. Люди обшарили каждый его уголок, любопытные пальцы возбужденно трогали одежду гостей. А

те только посмеивались над островитянами. Покопавшись в матросских сундучках, они одаривали мужчин сигаретами, а для женщин нашли разноцветные шарфы и пестрые шали. Важничая как мальчишка, с сигаретой в зубах, Гатри поднялся с чужестранцами на скалы.

Рыбаки распахивали настежь двери хижин, состязаясь друг с другом в гостеприимстве. Каждому хотелось устроить гостям самый радушный прием. Обследовав остров, моряки сочли его местом убогим, бесплодным и малоинтересным. Они спустились на берег и стали собираться компаниями на пристани, лениво позевывая в ожидании перемены погоды. Время тяжким грузом повисло на их руках.

А тем временем восточный ветер дул без остановки, бросаясь песком и превращая землю в пыль. Пылало солнце, простирая переливчатые огненные пальцы в безоблачное небо, и бились о берег огромные зеленые волны с гребнями пены, извиваясь в причудливом танце, словно живые существа. На землю опустилась душная ночь, наполненная тайным движением, и даже воздух пропитался тревожными предчувствиями. Моряки отыскивали заброшенную часовню на краю деревни и разбили там лагерь, захватив с корабля табак и бренди.

Казалось, у них нет ни установленного порядка, ни дисциплины, ни законов, которым следует подчиняться. На судне оставляли только по двое вахтенных. Однако рыбаков не удивляло такое поведение. Само присутствие моряков на острове являлось редким чудом, и остальное не имело значения. Рыбаки тоже пришли в часовню и впервые в жизни попробовали бренди. Ночь наполнилась криками и песнями, и остров вдруг переменялся; расставшись с тишиной и покоем, он мерно колыбался в предвкушении неведомых ощущений, пропитанный насквозь незнакомыми желаниями. Гатри стоял в толпе приятелей, его щеки разругались, в обычно равнодушных глазах поблескивал безрассудный огонек. Он с наслаждением пил большими глотками бренди из стакана, что держал в руках, и словно безумец смеялся без всякой причины вместе с моряками. Староста рыбаков не понимает языка чужеземцев, ну и что с того? Перед глазами покачивались звезды, земля ускользала из-под ног, и казалось, что прежде он и не жил вовсе. Пусть ревет ветер и грохочут волны – это слышится зов большого мира. За морем раскинулись неведомые земли, где находится родина чужеземцев, и именно там ждет настоящая жизнь, полная красоты и необычных, невероятных приключений. Никогда больше не станет он гнуть спину, обрабатывая бесплодные поля. В ушах звенела песня моряков, табачный дым застилал глаза, а по жилам весело бежала кровь, смешанная с бренди.

Женщины пустились в пляс с матросами, кто-то раздобыл гармонику и скрипку с тремя струнами, и вот уже над островом несется варварская мелодия. Местные женщины никогда в жизни не танцевали, а сейчас их подхватывали и кружили в вихре дикого хоровода – только мелькали развевающиеся в воздухе юбки. Моряки смеялись и пели, отбивая ногой ритм, а счастливые пьяные рыбаки с глупым видом стояли у стены, позабыв о времени. Один из заморских гостей, протянув руки, направился с улыбкой к Джейн, и она пошла танцевать. Щеки горели от возбуждения, а душу переполняло желание понравиться чужестранцу. Темп мелодии ускорялся, и ноги все стремительнее неслись по полу. Джейн почувствовала, как руки незнакомца крепко сжали талию, ощутила жар его тела и обжигающее щеку дыхание. Подняла голову и встретилась с дерзким, раздевающим донага взглядом. Моряк облизнул влажные губы, и оба улыбнулись, читая друг у друга мысли. По телу Джейн пробежала трепетная дрожь, будто от прикосновения прохладной руки. Ноги подкосились от страстного желания, и она опустила взор, а потом глянула украдкой на Гатри, не заметил ли муж чего. Впервые в жизни к Джейн пришло чувство вины.

Наступил новый день, такой же беспощадно знойный.

Ветер не ослабевал, и море не желало укротить свою ярость. Бриг, бросивший якорь в гавани, по-прежнему раскачивался на волнах среди рыбацких лодок, а сами рыбаки, прислонившись к стене причала, бездумно пили бренди, курили и слали проклятия в адрес восточного ветра. Женщины тоже забросили кухню и починку одежды: стоя в дверях хижин, они щеголяли накинутыми на плечи новыми шальями и малиновыми платками, украшавшими голову. Дети вызывали раздражение, и их матери, не находя себе места, ждали улыбки от заезжих гостей.

Так прошел день и ночь, и еще один день. Немилосердно жгло солнце, по-прежнему бушевало море, и не стихал ветер. Никто не выходил на рыбную ловлю и не обрабатывал землю. Казалось, на всем острове невозможно отыскать тенистый уголок: трава порыжелела и засохла от зноя, а на редких деревьях уныло повисли сморщенные листья. И снова на остров опустилась ночь, а ветер все не унимался. Гатри сидел в хижине, обхватив руками голову, не в силах о чем-либо думать. Он чувствовал себя разбитым и усталым, как древний старик. Легким не хватало воздуха, а в горле пересохло от жажды. От завывания ветра, отдававшегося в ушах, и обжигающего глаза солнца было только одно спасение. Нетвердой походкой Гатри вышел из хижины и спустился к церкви, где на полу лежали вповалку рыбаки и матросы. Из открытых ртов текло бренди. Гатри бросился к ним и с жадностью припал к бутылке, позабыв о ветре и разгневанном море.

Джейн выскользнула из хижины и, прикрыв за собой дверь, побежала в скалы. Высокая трава ласкала ноги, и ветер играл волосами, звеня в ушах торжествующим зовом. Внизу бросались на утесы волны, и брызги пены летели в лицо. Джейн знала, что нужно только немного подождать, и он непременно выйдет из часовни и явится сюда. Весь день, пока она находилась на пристани, за ней неотступно следили глаза моряка. Все остальное совершенно не важно. Гатри спит где-то пьяный, и о нем не стоит вспоминать. А здесь, среди скал, над головой сияют звезды и безумствует восточный ветер. Вот из-за деревьев показалась темная фигура. Поначалу Джейн стало страшно, но это длилось всего мгновение.

– Кто ты? – окликнула Джейн, но ее слова унес ветер.

Моряк подошел ближе: ловкие, опытные пальцы сорвали одежду, и Джейн закрыла глаза ладонями. Чужеземец со смехом зарылся лицом в ее волосы. Обнаженная Джейн застыла с распростертыми руками и, позабыв о стыде, ждала, словно светлый призрак, который вот-вот сметет и развеет ветер. А внизу из часовни доносились пьяные крики и пение мужчин. Потеряв рассудок от алкоголя, они передрались между собой. Один из рыбаков метнул нож и пригвоздил к стене брата. А тот, извиваясь, словно змея, вопил от боли.

Гатри поднялся на ноги.

– Угомонитесь, псы! – рявкнул он. – Прекратите буянить! Пейте мирно и не мешайте человеку мечтать! Или надеетесь, что так ветер скорее поменяет направление?

Его слова заглушил издевательский хохот. Один из рыбаков ткнул в Гатри дрожащим пальцем.

– Да, Гатри, тебе бы только о мире говорить. Эх ты, выживший из ума слабак! А в это время женушка наставляет тебе рога с чужаком. Ручаюсь, очень скоро у нас на острове появится новая кровь.

Рыбаки хором поддержали приятеля и принялись насмехаться над Гатри:

– Эй, присмотри-ка лучше за женой!

С яростным воплем Гатри набросился на толпу, нанося удары по оступевшим от пьянства физиономиям. Но силы были неравными, и вскоре его вышвырнули из часовни на бугристую набережную. Оглушенный ударом, он мгновение лежал неподвижно, а потом, встряхнувшись как побитый пес, поднялся на ноги. Значит, Джейн ему изменила. Вот шлюха! Гатри вспомнилось белоснежное хрупкое тело жены, и сознание заволочла пелена

безумной ненависти и страстного желания. Спотыкаясь и падая, он добрался в темноте до пустой хижины. Ни в одном из окошек не горел свет.

– Джейн! – окликнул он жену. – Куда ты, черт возьми, спряталась со своим проклятым любовником?!

Ответа не последовало. Рыдая от злости, Гатри схватил висевший на стене огромный тяжелый топор, которым рубили дрова.

– Джейн! – снова позвал он. – Выходи, слышишь?

Его голос тонул в завываниях ветра, что сотрясал стены хижины. Гатри притаился у двери и ждал, сжимая в руках топор. Ночь была на исходе, а он так и сидел в тупом оцепенении, позабыв о времени. Перед рассветом пришла Джейн, дрожащая и бледная, словно заблудшая душа. Гатри еще издали услышал шаги на тропинке. Вот хрустнула веточка под ногой – и руки сами подняли тяжелый топор.

– Гатри! Гатри, пощади! Не трогай меня! – Джейн с мольбой протянула руки, но муж оттолкнул ее и обрушил на голову топор. Он наносил удар за ударом, кромсая череп.

Джейн рухнула на землю, тело корчилось в судорогах, сделавшись до неузнаваемости безобразным. Тяжело дыша, Гатри склонился над женой. Глаза застилала кровавая пелена. Потом он сел рядом, не осознавая происходящего. Голова бессильно упала на грудь, и он забылся тяжелым пьяным сном.

Протрезвев, Гатри проснулся и обнаружил у ног мертвое тело. Он с ужасом смотрел на труп, ничего не понимая. Рядом на полу валялся топор. Некоторое время он лежал неподвижно, не в силах пошевелиться от страха и подкатывающей к горлу тошноты. Потом стал прислушиваться, словно ожидая, что вот сейчас раздастся ставший привычным звук. Но вокруг стояла тишина. Что-то изменилось. Ну конечно же, все дело в ветре, его завываний больше не слышно.

Пошатываясь, Гатри встал на ноги и выглянул за дверь. На остров спустилась прохлада, а пока он спал, успел пройти дождь. С юго-запада дул легкий свежий бриз, и серая гладь моря выглядела спокойной и умиротворенной. А вдали на горизонте виднелась черная точка, и на фоне неба отчетливо вырисовывались белые паруса.

С утренним приливом бриг покинул бухту.

Кукла

Предисловие

Ниже приведены страницы из потрепанной записной книжки, размокшей от соленой воды. Многие строки размыты и не поддаются прочтению. Сама книжка найдена в расщелине скалы на берегу залива.

Имя владельца, несмотря на тщательное расследование, так и не удалось установить. То ли бедняга утопился рядом с местом, где спрятал свой дневник, и тело погребло море, то ли бродит до сих пор по свету, стараясь забыть и стереть из памяти страшную трагедию, что выпала на его долю.

Некоторые страницы сильно повреждены и совершенно неразборчивы, вот почему в повествовании так много пробелов и оно страдает обрывочностью и непоследовательностью, включая непонятный финал.

В местах, где слова или целые строчки невозможно прочесть, я ставил многоточие. И мы никогда не узнаем, имели ли на самом деле место невероятные жуткие события, описываемые в этой истории, или они являются плодом больного воспаленного воображения. Единственной причиной, заставившей опубликовать эти записи, является желание удовлетворить многочисленные просьбы друзей, которых заинтересовала моя находка.

*Доктор Э. Стронгмен
Бэй, Южная Англия*

* * *

Интересно, осознает ли человек свое безумие? Порой кажется, я не в состоянии справиться с мыслями, ибо сознание переполняют ужас и отчаяние, а рядом нет ни души. Никогда в жизни не испытывал такого страшного одиночества. И поможет ли этот дневник выплеснуть наружу скопившийся в мозгу яд?

А ведь меня действительно отравили, и вот теперь не могу заснуть. Стоит закрыть глаза – и снова вижу перед собой проклятое лицо...

Ах, если бы оно оказалось сном, над которым можно посмеяться, призраком, созданным воспаленной фантазией.

Смеяться легко. Животики надорвешь. Так давайте хохотать, пока из глаз не хлынет кровь. Пожалуй, и правда смешно. Но нет, сгущающаяся внутри пустота причиняет боль и превращает человека в развалину.

Если бы я имел надежду, то последовал бы за этой женщиной на край земли, несмотря на мольбы и проклятия в свой адрес. Надо было показать, что представляет собой любовь мужчины. Да, живого мужчины из плоти и крови. И я бы вышвырнул из окна поганое ветхое тело и смотрел, как оно разобьется вдребезги, исчезнет навеки. Чтобы никогда не видеть растянутого в злобной плотоядной ухмылке малинового рта...

Мной овладело неистовство, начисто лишив способности рассуждать здраво.

Утверждая, что она непременно бы осталась со мной, обманываю себя. Я не побежал за ней, потому что понимал всю безнадежность своего положения. Никогда бы она не любила ни меня, ни любого другого мужчину.

Иногда я хладнокровно размышляю о случившемся и испытываю к ней жалость. Добровольно отказаться от стольких радостей жизни, и никто не узнает правды. Как она жила до встречи со мной и чем занимается сейчас?

Ребекка. Ребекка, постоянно думаю о тебе, вспоминаю серьезное бледное лицо, горящие фанатичным блеском огромные глаза, как у святой, тонкие губы, что скрывают острые белые зубки, словно сделанные из слоновой кости, и ореол непокорных, будто наэлектризованных темных волос. В жизни не встречал женщины прекраснее. Но кому по силам проникнуть в твою душу и мысли?

Холодная, равнодушная, бессердечная. Только женщина без сердца могла решиться на такой поступок. А твоя удивительная способность отгородиться непроницаемой стеной губительного молчания, за которой пылает неугасимый огонь... Как страстно я ласкал тебя в мечтах, Ребекка!

Ты сыграла бы роковую роль в жизни любого мужчины. Несгораемая искра, что освещает тьму, вновь и вновь разжигая пламя.

Что же я любил в тебе, помимо равнодушия и таившихся за ним намеков и обещаний?

Да, любил я слишком сильно, желал не в меру страстно и испытывал безграничную нежность. И вот теперь эти чувства выросли в сердце, словно искореженный корень, отравив смертельным ядом мозг. Ты превратила меня в умалишенного, наполнила душу ужасом и разрушительной ненавистью, что сродни любви. Заставила испытать вызывающую тошноту жажду. Если бы я мог хоть на мгновение успокоиться и привести в порядок мысли. Всего лишь на мгновение...

Хочу составить план, аккуратно расписать все по датам.

Думаю, все началось на квартире у Ольги. Помню, на улице в тот день шел дождь, и по оконному стеклу стекали грязные струйки. В комнате было полно людей, которые о чем-то беседовали, сгрудившись у фортепьяно. Был там и Ворки, его уговаривали что-нибудь спеть, а Ольга то и дело заливалась смехом.

Ее визгливый пронзительный хохот всегда вызывал у меня отвращение. Ребекка сидела на табурете возле камина, поджав под себя ноги, и напоминала эльфа или проказливого мальчишку.

Я видел ее спину и забавную маленькую меховую шапочку на голове. Помню, внимание привлекла необычная поза, и очень захотелось увидеть ее лицо. Я попросил Ольгу представить меня.

– Ребекка, – обратилась она к девушке, – покажись гостю...

...повернувшись, она сорвала с головы шапочку, и волосы неукротимой лавиной хлынули на плечи. Прикусив губу, она посмотрела на меня широко распахнутыми глазами и улыбнулась.

Еще помню, как сидел рядом с ней на полу и говорил без умолку – не важно о чем. Наверняка нес какие-то глупости. А в ее речи слышались придыхание и сдерживаемый жар. Да и говорила она мало, все больше улыбалась... проникающие в душу глаза фанатика – они видели слишком много и непомерно много требовали. Могли увлечь в свой омут любого, лишить сил к сопротивлению. И я чувствовал себя утопающим, поняв с первого взгляда на Ребекку, что обречен. Покинув дом Ольги, я брел по набережной точно пьяный. Навстречу двигались невнятно лопочущие лица, чужие плечи толкали меня, и в сознании остались тусклые огни фонарей, отражающиеся в мокрых тротуарах, да приглушенный шум машин. А сквозь все это сияли ее глаза и неопишимо прекрасные непокорные волосы, по-мальчишески стройное тело... сейчас вся картина отчетливо предстает перед глазами. Память сохранила события в той последовательности, как они происходили, каждый момент игры. Я вернулся на квартиру к Ольге – Ребекка была там.

Она сразу же подошла ко мне и серьезно, как ребенок, спросила:

– Вы любите музыку?

Не понимаю, что означал этот вопрос, ведь в тот момент никто не играл на рояле. Я что-то пробормотал в ответ. Внимание привлекла кожа Ребекки, цвета слабо заваренного кофе, сияющая и чистая, как ключевая вода.

Она была одета в коричневое платье, скорее всего из бархата, а вокруг шеи завязан красный шарф.

Глядя на длинную, по-лебединому изящную шею, я вдруг подумал, как без малейшего усилия затяну шарф и задушу ее. Представил лицо Ребекки перед смертью – полуоткрытый рот и вопрошающий взгляд. Глаза, должно быть, побелеют, но она не испугается. Эти мысли промелькнули в сознании, пока девушка что-то оживленно рассказывала. Узнать о Ребекке удалось мало. Вероятно, она скрипачка, сирота, живет одна в Блумсбери.

Ребекка сообщила, что много путешествовала, особенно по Венгрии. Три года прожила в Будапеште, где обучалась музыке. Англия пришлась не по душе, и хочется вернуться в Будапешт, который стал для нее самым прекрасным, единственным и неповторимым городом во всем мире.

– Ребекка! – окликнул кто-то из гостей, и девушка улыбнулась ему через плечо.

Я могу без конца описывать улыбку Ребекки! Такую живую и яркую и в то же время далекую и неземную, не имеющую ни малейшего отношения к словам окружающих. Ее глаза постоянно преображались, будто невидимая рука вращала серебряную рукоятку.

В тот день она ушла рано, и я, сгорая от нетерпения, прошел в другой конец комнаты, чтобы расспросить Ольгу. Но и от Ольги удалось узнать немного.

– Ребекка родом из Венгрии, – сообщила она. – О родителях ничего не известно. Думаю, они евреи. Ко мне ее привел Ворки, который познакомился с Ребеккой в Париже, когда та играла на скрипке в одном из русских кафе. Но между ними ничего нет, и живет она совершенно одна. Ворки говорит, девушка удивительно талантлива и если будет работать, вскоре никто не сможет с ней сравниться в искусстве игры на скрипке. Только, похоже, ей

безразлично, и трудиться Ребекка не желает. Однажды я слышала ее игру в доме у Ворки – должна признаться, у меня мурашки побежали по спине. Она стояла в конце комнаты и была похожа на пришельца с другой планеты: волосы торчат в разные стороны, словно дремучие дебри. А потом Ребекка начала играть. И каждая нота звучала причудливо и дико, западая в душу. В жизни не слышала ничего подобного. Нет, это невозможно описать.

И снова я ушел от Ольги, погрузившись в мечты, где перед глазами плясало лицо Ребекки. Я тоже услышал ее игру на скрипке. Ребекка стояла, выпрямившись, строгая, словно прилежный ребенок. Глаза широко раскрыты, на губах играет улыбка.

На следующий вечер она должна была играть дома у Ворки, и я пошел послушать. При всей своей мелочной лживости Ольга не преувеличивала. Я сидел как зачарованный, не в силах пошевелиться. Не знаю, что она исполняла, но мелодия была изумительной, всепоглощающей. И мир вокруг перестал существовать, остались только мы с Ребеккой, купаясь в невыразимом блаженстве. Вот мы взобрались на крутую гору, а потом взмыли в воздух и поднимались все выше и выше.

Вдруг скрипка стала выражать протест, будто отвергая меня, но я не сдавался и настаивал на своем. Потом хлынул поток звуков, то уступая, то сопротивляясь, смесь нот, в которой переплелись желание и нежность и неопишное наслаждение. Я чувствовал, как сердце бьется, будто мощный двигатель огромного корабля, и его удары отдаются в висках.

Ребекка стала частью меня, мной самим, и этот восторг было невозможно вынести. Мы достигли вершины, дальше которой дороги нет. Ослепительное солнце било в глаза, я поднял голову и взглянул на Ребекку – она улыбалась. Мелодия скрипки оборвалась на изысканно пленительной ноте – свершилось!

В изнеможении я откинулся на спинку дивана, не в силах справиться с бурей противоречивых чувств – столь восхитительные мгновения невозможно пережить наяву. Слишком много в них неземной красоты. Прошло минуты три, прежде чем я пришел в себя. Будто прыгнул в черную бездну и погрузился в сон – и вот снова пробудился.

Никто не обращал на меня внимания: Ворки занимался напитками, а Ребекка сидела за роялем и перелистывала ноты. На просьбу сыграть что-нибудь еще ответила отказом, сославшись на усталость. Гости настаивали, и Ребекка снова взялась за скрипку и исполнила прелестную короткую пьесу, безыскусную и чистую, как молитва ребенка.

Чуть позже тем же вечером она подошла и присела ненадолго рядом, а я от волнения не мог произнести ни слова. Проклиная себя за глупость, все же набрался смелости и посмотрел ей в лицо.

– Во время вашей игры я пережил удивительные чувства, словно вкусил сладостной отравы. Такое забыть невозможно. У вас редкостный, нет, воистину опасный дар.

Некоторое время Ребекка молчала, а потом заговорила тихим сдержанным голосом.

– Я играла для вас, – призналась она. – Хотела понять, что чувствуешь, когда играешь для мужчины.

Ее слова привели в замешательство, и я не понял смысла. Ребекка с улыбкой смотрела мне в глаза. Нет, она не лгала и не притворялась.

– Что вы хотите сказать? – удивился я. – Неужели раньше вам не приходилось для кого-нибудь играть? Странно.

– Наверное, – согласилась она. – Видимо, так и есть. Не могу объяснить.

– Хочу снова с вами встретиться, – выдохнул я. – Наедине, когда можно поговорить по душам. С нашей первой встречи в квартире у Ольги я непрестанно думаю о вас. Да вы и сами знаете, верно? Именно поэтому сегодня вечером и играли для меня одного.

Отчаянно хотелось добиться откровенности, заставить сорваться с губ заветное «да». Но Ребекка только пожала плечами, уходя от ответа. Ее уклончивость раздражала.

– Не знаю, не знаю, – откликнулась она.

Я спросил, где она живет, и Ребекка назвала адрес. О, она очень занята, и мы не сможем встретиться до конца недели. Вскоре вечеринка закончилась, и девушка исчезла.

Дни тянулись бесконечно долго. Я постоянно думал о Ребекке и не мог дождаться дня свидания.

В пятницу терпение лопнуло, и я отправился к ней домой. Ребекка жила в старинном особняке в Блумсбери, где снимала верхний этаж. Дом имел угрюмый, навевающий тоску вид, и я удивился такому странному выбору.

Ребекка сама открыла дверь и проводила меня в просторную пустую комнату, похожую на мастерскую. Тут же горела керосиновая плитка. Меня поразила гнетущая обстановка в жилище, но Ребекка, казалось, ничего не замечала и пригласила сесть в ветхое кресло.

– Вот здесь я упражняюсь в игре на скрипке и ем, – сообщила она. – Чудесная комната, верно?

Я ничего не ответил, а она подошла к буфету и достала напитки и зачерствевшее печенье. Сама Ребекка ни к чему не притронулась.

Она казалась отстраненной и чужой, а мое присутствие, похоже, навело скуку. Разговор получился вымученным, с долгими паузами, и я не сумел излить, что накопилось в душе. А ведь хотелось так много сказать. Ребекка сыграла на скрипке несколько знакомых классических произведений, которые даже отдаленно не напоминали музыку, что я слышал в ее исполнении у Ворки.

Перед уходом она показала свое жилище, состоявшее из кладовой, которую Ребекка использовала в качестве кухни, убогой ванной и маленькой спальни, обставленной просто и строго, как монашеская келья. Из мастерской вела дверь еще в одну комнату, но хозяйка ее не показала. А комната явно была большой: я определил это по окну, когда вышел на улицу и увидел, как Ребекка опускает тяжелую портьеру.

(Примечание доктора Стронгмена: далее несколько страниц выцвели и покрылись пятнами, прочесть их не представляется возможным. Повествование продолжается с середины предложения.)

– ...нет, не холодно, – настаивала она. – Я пыталась объяснить свои странности. Мне никто и никогда не нравился, и я ни разу не влюблялась. Люди меня скорее отталкивают, а не привлекают...

– Но по вашей музыке этого не скажешь, – нетерпеливо перебил я. – Вы играете так, будто знаете все тайны на свете.

Безразличие Ребекки начинало бесить; оно явно носило нарочитый характер, и создавалось впечатление, что девушка что-то скрывает. Я понимал, что никогда не сумею прочесть ее мысли: либо Ребекка подобна спящему дитя, нераспустившемуся бутону, либо насквозь лжива, и тогда любой мужчина мог стать ее любовником. Кто угодно.

Я мучился сомнениями и страдал от ревности. Мысль о соперниках доводила до безумия. А Ребекка не желала облегчить мою участь и только смотрела огромными прозрачными глазами, чистыми, как вода в горном ручье, и тогда я мог поклясться, что она невинна. И все же... и все же? Достаточно одного взгляда, случайной улыбки – и мучительная пытка возобновлялась с новой силой. Ребекка была непостижимой, вечно ускользала, но именно ее роковая скрытность разрывала сердце на части, пока любовь не стала одержимостью, приобретая ужасную, губительную силу.

Я приставал с расспросами к Ольге, Ворски и всем, кто ее знал, но никто не мог сообщить что-либо определенное.

Пишу, а дни и недели выпадают из памяти. Невозможно уловить последовательность событий. Словно воскрес из мертвых, восстал из пыли и пепла, чтобы пережить все заново, пройти еще раз всю свою проклятую жизнь – ибо чем была моя жизнь до того момента, когда я полюбил Ребекку? Где я был и кем?

Лучше напишу про воскресенье, то самое, что стало концом. А я и не знал, думал, все только начинается. Был похож на человека, бредущего в темноте. Нет – при ярком свете, с широко открытыми глазами, ничего не замечая вокруг, намеренно превращая себя в слепца.

Воскресенье, день лживого, обманчивого счастья. Около девяти вечера я пошел домой к Ребекке. Та ждала меня, облаченная в причудливые дьявольские одежды алого цвета, которые лишь одна она осмеливалась носить. Ребекка выглядела возбужденной, будто под действием какого-то зелья, и носилась по комнате подобно сказочному эльфу.

Потом опустилась на пол, поджав ноги, и протянула изящные смуглые руки к плите. Смеялась как дитя и напомнила мне проказливую девочку, затевающую очередное озорство.

Вдруг она повернулась ко мне – лицо бледное, в глазах странный блеск.

– Можно ли любить так сильно, что получаешь необъяснимую радость, причиняя любимому боль? То есть заставлять ревновать и при этом страдать самой? Боль и наслаждение смешиваются в равных долях ради эксперимента. Редкое ощущение, верно?

Ее слова привели в замешательство, но я все же попытался объяснить, что представляет собой садизм. Кажется, Ребекка поняла и пару раз кивнула с задумчивым видом.

Потом встала с места и медленно направилась к двери, которая при мне ни разу не открывалась. Остановилась в нерешительности, взявшись за ручку. Лицо покрыла неестественная бледность, непослушные волосы окружали лицо причудливым ореолом.

– Хочу познакомить вас с Джулио, – сообщила Ребекка.

Я встал со стула и подошел, не подозревая, что ждет впереди. А она взяла меня за руку и распахнула дверь. Взору открылась круглая комната с низким потолком. Стены задрапированы бархатными порттьерами, будто с целью заглушить все звуки, а окно закрыто плотными шторами. Тускло горел дровяной камин, а рядом стояла тахта с разбросанными в беспорядке подушками. Комнату освещала только маленькая лампа с абажуром, и потому здесь царил полумрак.

Единственный стул повернут лицом к тахте, и на нем сидит что-то непонятное. В сердце закрался жутковатый холодок, как при встрече с призраком.

– Что это? – прошептал я.

Ребекка взяла светильник и направила на стул.

– Это Джулио, – тихо откликнулась она.

Я подошел ближе и увидел фигуру, которую поначалу принял за юношу-подростка лет шестнадцати, одетого в рубашку с жилетом, смокинг и длинные брюки на испанский манер.

В жизни не встречал более порочного и злобного лица, мертвенно-пепельного, с зияющим кровавой раной развратным ртом. Тонкий нос с изогнутой линией ноздрей, узкие блестящие глаза, в которых застыла лютая ненависть. Казалось, эти ястребиные глаза прожигают насквозь. Прилизанные темные волосы зачесаны назад, оставляя открытым белый лоб.

Ухмыляющаяся физиономия гнусного сатира.

Вдруг я почувствовал странное разочарование, полную беспомощность от неспособности понять происходящее.

На стуле сидел не юноша, а кукла. До омерзения похожая на живого человека, с отчетливо выраженной грязной сущностью, но всего лишь кукла.

Да, кукла. На меня уставились бессмысленные глаза, губы растян timer в тупой сладострастной усмешке.

Я взглянул на Ребекку – все это время девушка пристально следила за мной.

– Не понимаю, – выдавил я, – что все это значит? Где вы достали эту омерзительную куклу? Хотели надо мной подшутить?

Голос прозвучал резко, на душе сделалось тревожно и холодно. В следующее мгновение комната погрузилась в темноту – Ребекка выключила светильник и обняла меня за шею. Наши губы слились в поцелуе.

– Хочешь, скажу, что люблю тебя? Хочешь? – прошептала она.

Меня будто обожгло горячей волной, и пол ушел из-под ног. Ребекка прильнула ко мне и стала целовать в шею, ее пальцы нежно гладили затылок. Потом руки пробежали по телу, словно изучая, и я не сопротивлялся. Она снова меня поцеловала – удивительное, опустошающее чувство, настоящее безумие, словно заглянул в глаза смерти.

Не знаю, сколько времени мы так стояли. Не помню ни слов, ни мыслей – только безмолвная темная комната, слабый огонек камина да глухие удары сердца. И голос, что-то напевающий на ухо... и Ребекка рядом... Ребекка... Пролетели часы, а может, годы, не могу сказать... но когда я поднял глаза, то встретился взглядом с проклятой куклой.

Она хитро поглядывала на меня, приподняв бровь, и уголок ярко-красного рта дергался в вероломной ухмылке. Хотелось наброситься на эту мерзость, разозлить отвратительную рожу, растоптать грязное тело, так похожее на человеческое. Ребекка совсем лишилась рассудка, если держит у себя подобную игрушку. Чем она руководствовалась и где отыскала уродца? Но она не стала отвечать на вопросы.

– Уходи, – приказала Ребекка и буквально силой выволокла меня из темной комнаты в пустую мастерскую. – Надо идти, – прошептала она. – Совсем забыла, час уже поздний.

Я попытался снова привлечь ее к себе и поцеловать. Конечно же, ей не хочется, чтобы я ушел.

– Завтра, – перебила она с раздражением. – Обещаю, завтра, а сейчас нет. Я устала и совсем запуталась. Неужели не видишь? Оставь меня сегодня в покое. Слишком много переживаний. Ничего не могу понять.

Ребекка нетерпеливо притопнула ногой. Она выглядела совсем больной, и, поняв, что уговоры бесполезны, я ушел. Наверное, проходил всю ночь, а где – не помню.

Над лесопарком Хэмпстед-Хит занялся серый рассвет, и свинцовое небо обрушилось на землю проливным дождем.

Я замерз, но мозг раскалился добела. В очередной раз понял: Ребекка опять лукавит. Ведь с самого первого поцелуя знал, что она лжет.

Сколько у нее было любовников? Пять, десять или двадцать? Количество не имеет значения. Я к их числу не принадлежал.

Нет, не принадлежал.

Не помню, как я оказался в Кэмден-Тауне. По улице с грохотом проезжали автобусы, все еще шел дождь, и мимо пробежали согнувшиеся под зонтами фигуры прохожих.

Я нашел такси и поехал домой. Не раздеваясь рухнул в кровать и погрузился в долгий сон. Когда проснулся, уже снова стемнело. Наверное, было часов шесть вечера. Помню, как машинально умылся и пошел по направлению к Блумсбери.

Поднялся наверх, позвонил в дверь.

Ребекка впустила меня, не сказав ни слова, и уселась перед керосиновой плиткой. Я сказал, что хочу стать ее любовником, но она не ответила. Ее глаза покраснели, а возле губ пролегли тоненькие бороздки. Я наклонился к Ребекке и хотел поцеловать, но она оттолкнула меня.

– Забудь, что случилось вчера вечером, – начала она скороговоркой. – Сегодня я понимаю, что совершила ошибку. Мне нездоровится, всю ночь провела без сна, так разволновалась и расстроилась. Оставь меня в покое.

Я попробовал сжать ее в объятиях, сломить непробиваемую холодность. С таким же успехом можно барабанить кулаком в железную дверь. Ребекка застыла в моих руках, словно неживая, губы ледяные. В отчаянии я отпустил ее.

Прошла еще одна неделя мучительных сомнений. Иногда Ребекка садилась в уголок и молчала, но временами я мог поклясться, что она меня любит. Прикасаюсь к себе не позволяла, говорила, что не в настроении и надо подождать, когда снова проснется желание.

Неопределенность доставляла невыносимые страдания. За все это время Ребекка ни разу не упомянула Джулио, и мы больше не заходили в его комнату. Потом я стал спрашивать, что она сделала с куклой. Хотелось понять, что за всем этим кроется. Она отвечала уклончиво и сразу меняла тему беседы. Одним словом, вела себя невыносимо и доводила до бешенства.

И все же я не мог долго находиться вдали от Ребекки, без нее не было жизни.

Порой она казалась ласковой и нежной, усаживалась у моих ног и говорила о музыке и планах на будущее. И всегда была разной, менялась на глазах.

Я понимал безысходность и нелепость ситуации, но что оставалось делать? Эта женщина стала единственной страстью в жизни, настоящим наваждением.

Ну вот наконец я подошел к последнему вечеру, к финалу. Потом – катастрофа... провал... дьявольская бездна и опустошенность... полная безысходность.

Дайте сообразить, когда это случилось, в котором часу? Наверное, в семь или восемь. Не помню. Я уходил из квартиры Ребекки, и она проводила меня до дверей.

И вдруг обняла и поцеловала...

Представьте странников, бредущих по безводной пустыне, где безжалостное солнце изуродовало их до неузнаваемости, превратив в сморщенных, искореженных, почерневших от зноя чудовищ. С налитыми кровью глазами и прокушенными языками. И вот им на пути встречается источник.

Уж я-то знаю, как это бывает, потому что сам из их числа.

Посмейтесь над подобным сравнением, назовите меня сумасшедшим, но смеяться-то буду я.

На свете много женщин, только вы не целовали Ребекку и не сумеете понять.

Глупцы, так и не пробудившиеся ото сна и лишенные фантазии...

(Далее текст неразборчивый, и последующая четверть страницы состоит из обрывочных фраз и высказываний.)

Это была настоящая мука. Ребекка позволила себя целовать снова и снова. Я взял ее за подбородок и заглянул в глаза.

– Кто были твои любовники? И часто ты целовала их, как сейчас меня? Кто научил тебя так целоваться? Кто был самым первым? Признайся.

От бушующей в груди ярости глаза застилал туман, руки дрожали.

– Клянусь, ты первый мужчина, которого я поцеловала. Поверь, до тебя никого не было. Никого и никогда.

Ребекка смотрела прямо на меня, голос звучал уверенно, и я понял, что она говорит правду.

– А теперь уходи, – попросила она. – Придешь завтра, и тогда поговорим. Нам надо так много сказать друг другу.

Она улыбнулась, и сквозь ледяной покров холодной отчужденности я разглядел скрытое пламя страсти.

Помню, как вышел из квартиры, где-то поужинал. Голова пылала, и казалось, я прогуливаюсь в компании небожителей. Ребекка меня полюбит. Невероятно! Невозможно поверить, что на мою долю выпадет такое счастье. Хотелось кричать от радости или спрыгнуть с крыши.

Я вернулся домой и начал мерить шагами комнату, не в силах уснуть, чувствуя напряжение в каждом нерве.

Наступила полночь, терпеть дольше не хватило сил. Нужно пойти к Ребекке, прямо сейчас.

Моя любовь так сильна и неистова... Она все поймет, не может не понять. И сейчас, конечно же, ждет меня.

Не помню, как добрался до ее дома. Время промелькнуло молнией, и вот я уже стою на улице и смотрю на окна Ребекки.

Уговорил полусонного консьержа пропустить наверх, остановился у двери и стал прислушиваться. Изнутри не доносилось ни звука, словно стоишь у входа в склеп.

Взялся за ручку и медленно повернул. Странно, но дверь оказалась незапертой. Наверное, после моего ухода Ребекка забыла повернуть ключ.

Я зашел в темную квартиру и тихо позвал:

– Ребекка... – Ответа не последовало. – Ребекка!

Дверь в спальню открыта, но там никого нет.

Я осмотрел кухню и спальню – пусто.

И тут пришло озарение, липкий ужас холодными пальцами сжал сердце.

Взгляд задержался на двери в ту самую комнату – жилище Джулио.

И я понял, что Ребекка сейчас там, вместе с куклой, с Джулио.

Пробрался ощупью через мастерскую и толкнул дверь – она была заперта. Я ударил ногой и стал скрести ногтями. Под тяжестью тела дверь поддалась, и тут раздался яростный вопль Ребекки. Она включила светильник.

Милосердный Боже! Вовек не забуду ее глаза, горящие жутким дьявольским восторгом сладострастия, и пепельно-серое лицо.

Я рассмотрел комнату и тахту. И все понял. Безысходное отчаяние поразило смертельным недугом.

Все это время на меня безжизненными стеклянными глазами пялилась злобная развратная физиономия. Влажный ярко-красный рот кривился в ухмылке, темные гладкие волосы повисли прядями на щеках. Обычный механизм на винтах и шарнирах. Не живой человек, а просто кукла, но омерзительная, наводящая ужас.

Ребекка повернулась ко мне, ее голос казался безжизненным, потусторонним.

– Надеюсь, я тебя полюблю? Неужели не понимаешь: не могу, не способна? Разве можно любить тебя или другого мужчину? Уходи, оставь меня. Будь ты проклят. Всех вас проклинаяю. Мне никто не нужен. И тебя тоже не хочу.

Что-то оборвалось внутри, и я ушел, оставил их вдвоем. Выбежал на улицу – по щекам градом катились слезы. Я плакал навзрыд, воздев сжатые кулаки к звездному небу...

Вот и все, больше рассказывать нечего. На следующий день вернулся, но Ребекка успела уехать. Они оба исчезли. Никто не знает куда. Всех расспрашивал, но бесполезно.

Мир вокруг поблек и потускнел, сделался бесполезным и ненужным. Никогда больше не встречусь я с Ребеккой, и никто ее не увидит. Они навеки останутся вдвоем: Ребекка и Джулио. Пролетят дни и ночи, а они будут неотступно преследовать меня, не давая ни сна, ни покоя. Я обречен, проклят. Сам не понимаю, что говорю и пишу. И что стану делать дальше. Господи, как же мне быть?! Нет сил жить, я не вынесу этого...

Хвала Господу, Отцу нашему

Преподобный Джеймс Холлоуэй, викарий церкви Святого Суизина, что находится на Аппер-Чешем-стрит, внимательно разглядывал себя в профиль. Открывшаяся взору картина оказалась весьма привлекательной, и прошло немало времени, прежде чем он поставил зеркало на туалетный столик.

Из зеркала на святого отца смотрело отражение мужчины лет пятидесяти пяти, выглядевшего моложе своих лет, с высоким лбом и роскошными посеребренными сединами волосами, которые слегка завивались на висках. Прямой нос и тонкие выразительные губы дополняли портрет. Преподобному Джеймсу не раз говорили комплименты по поводу красивых, глубоко посаженных глаз, которые в зависимости от обстоятельств могли принимать смешливое, грозное или вдохновенное выражение. Он был высок ростом, широк в плечах, голова чуть наклонена вбок, вследствие чего волевой подбородок слегка вздергивался вверх.

Для некоторых прихожан привлекательность священника заключалась именно в самоуверенном повороте головы, придающем пытливый, пронизательный вид, других покоряли богатые нюансы постоянно меняющегося голоса, ловкие сильные руки и неспешная легкая походка.

Однако все вышеупомянутые достоинства не шли в сравнение с полной обаяния манерой поведения, острым умом и талантом заставить даже самого робкого и стеснительного человека чувствовать себя легко и непринужденно.

Женщины обожали викария, ибо он отличался широтой взглядов и либерализмом, благодаря чему понимал дам лучше, чем они сами. Кроме того, его отличала очаровательная доверительная откровенность. Мужчины считали отца Джеймса удивительно приятным собеседником. В его доме всегда водилось отменное вино, бесед на религиозные темы никто не вел, а хозяин имел в запасе множество забавных историй. Перечисленные добродетели нискали ему репутацию самого популярного проповедника в Лондоне.

Со временем ему прочили сан епископа, а церковь Святого Суизина посещали сливки общества. Считалось престижным прийти утром к воскресной мессе и получить приглашение на обед, который устраивался в изысканно обставленном доме в георгианском стиле, примыкавшем к церкви.

Здесь всегда можно встретить толпу знаменитостей: видных политиков, пару известных актрис, многообещающего молодого художника и, разумеется, целое созвездие титулованных особ.

Гости приходили к единодушному выводу, что Джим Холлоуэй – изумительный хозяин, а его беседы столь же умны, как и проповеди. Святой отец предусмотрительно не упоминал имени Господа всуе и не касался щекотливых тем, однако с готовностью обсуждал премьеру новой пьесы, только что изданные книги, новинки моды и даже свежие скандалы. Он не скрывал своих в высшей степени современных взглядов, а кроме того, слыл заядлым любителем игры в покер и искусным танцором, и такое свободомыслие импонировало представителям младшего поколения. Весьма оригинально, когда священник шокирует вас вольнодумием. Разумеется, в церкви преподобный Джеймс Холлоуэй вел себя иначе, и паства отдавала должное мудрости викария.

Высокая статная фигура в сочетании с проникновенным голосом, изумительной красоты глазами и выразительными жестами производила неизгладимое впечатление. И люди вскоре простили ему принадлежность к высокой церкви и служение мессы вместо традиционной одиннадцатичасовой заутрени. Тем более что зрелище того стоило.

Мужчины приходили в церковь послушать пение и соблюсти условности, а женщин привлекали цветы, горящие свечи и приятные ощущения от курений ладана. Но главная причина таилась в том, что все они были в той или иной степени влюблены в викария.

Набравшись мужества, дамы отправлялись на исповедь, и здесь их покоряли добросердечие и тактичность проповедника, а больше всего – его чуткость и понимание. Самые ревностные прихожанки приглашались на послеполуденное чаепитие, которое устраивалось по четвергам.

И вот там уже велись беседы на религиозные темы. Однако стараниями преподобного Джеймса обстановка на собраниях отличалась непринужденностью, и ни у кого не возникало ни малейшего чувства неловкости или скованности. Воистину он был величайшим утешителем мятежных душ, и в его интерпретации портрет Господа предстал в самых мягких тонах, а главный акцент делался на человечность Всевышнего.

Прихожане с чувством величайшего облегчения узнавали, что Господь не только прощает грешников, но и питает к ним любовь и даже предпочитает девяноста девяти процентам праведников. Разумеется, викарий подразумевал, что все они в данный момент являются всего лишь брошенными в землю семенами, которые дадут могучие всходы и когда-нибудь – очень и очень не скоро – познают совершенство и удостоятся зреть красоту в ее высочайшем проявлении. А пока... ну а пока человек живет и естественно грешит, получает отпущение грехов и снова их совершает. И каждый получает по заслугам и в соответствии с положением, которое занимает в этом мире.

Следует также учитывать, что за последние две тысячи лет жизнь претерпела существенные изменения. Подобные философские сентенции неизменно приносили утешение, особенно когда их изрекал проникающий в душу мелодичный голос викария, а его чудесные, полные сочувствия глаза останавливались по очереди на каждом присутствующем, словно обращаясь только к нему и читая самые сокровенные мысли.

Впоследствии, когда прихожанки случайно встречались со священником у герцогини Атлборо на чаепитии с танцами или в первых рядах партера на премьере, он одаривал дам чарующей, будоражащей душу улыбкой, шептал на ухо какую-нибудь остроту, но при этом они неизменно чувствовали на себе пронизательный взгляд, который говорил: «Я все понимаю».

Разумеется, Джеймс Холлоуэй был холост, и тем не менее женщин обуревало страстное в своей безнадежности желание, что когда-нибудь, в один прекрасный день... Правда, до сих пор ему удавалось устоять перед соблазном, хотя, невзирая на священный сан, ходили упорные слухи, в которых его имя неоднократно связывалось со знатными светскими красавицами.

Итак, викарий водрузил зеркало на туалетный столик и, улыбаясь про себя, с юношеской небрежностью пробежал пальцами по гладким седым волосам. Да, он прекрасно сохранился и по-прежнему считается очень привлекательным мужчиной.

Священник спустился вниз в свой кабинет, просторную комнату, обставленную с безупречным вкусом. На письменном столе стояла большая фотография одной из самых красивых английских актрис с надписью: «Джиму с любовью от Моны» – и датой двухлетней давности.

На каминной полке красовался портрет ее светлости герцогини Атлборо: «Любящая вас Нора», а на маленьком столике возле окна с великолепно выполненного наброска смотрела леди Юстас Кэрри-Слейтер. Краткая надпись гласила: «От Джейн. Молодчина!» Викарий просмотрел письма и вызвал звонком дворецкого.

– Кто-нибудь меня спрашивал, Уэллс? – поинтересовался он.

– Да, сэр. Звонили две дамы, говорили, что попали в беду и хотят переговорить с вами. Я сказал, что вы очень заняты, так что пусть обратятся ко второму священнику.

Проповедник одобрительно кивнул. Ох уж эти женщины! С иными просто сладу нет. Сущее наказание!

– Потом позвонил лорд Крэнли, просил уделить ему время сегодня утром. Я сказал, чтоб приходил, так как вы свободны.

– Правильно, Уэллс. Благодарю. Будь добр, принеси газеты...

Парень и правда отменный слуга.

В ожидании гостя священник пробежал глазами по колонке, где сообщалось о рожденьях, бракосочетаниях и смертях. Подумать только, Китти Дюран выходит замуж, а ему и словом не обмолвилась! Надо послать подарок и поздравительное письмо. «Китти, скверная девчонка, что все это значит? Ты заслуживаешь хорошей порки. Выйти замуж в восемнадцать лет! Твой жених счастливчик, и я непременно ему об этом скажу. Благословляю вас обоих».

Что-нибудь в этом роде и сервиз для коктейлей от Гудза.

– В чем дело, Уэллс?

– Лорд Крэнли, сэр, – объявил дворецкий, закрывая дверь за молодым человеком лет двадцати двух, с белокурыми волосами и симпатичным слабовольным лицом.

– Огромная любезность с вашей стороны, сэр. Вы действительно можете уделить мне пару минут?

– Проходите, юный друг, присаживайтесь. Причин для спешки нет, – приободрил посетителя преподобный Джеймс, прибегая к непринужденной дружелюбной манере и пододвигая гостю пачку сигарет. Положив ногу на ногу, он уселся за письменный стол и приготовился слушать, а юноша тем временем устроился в мягком кресле.

– Видите ли, сэр, я попал в страшную передрыгу, – начал он смущаясь. – Не знал, к кому и идти со своим горем, а потом вспомнил о вас. Разумеется, при обычных обстоятельствах я никогда бы не дерзнул обратиться за подобным советом к священнику, но вы не такой, как остальные. Простите мою наглость, но вы – человек исключительно широких взглядов!

От привычной похвалы потеплело на душе.

– И я когда-то был молод, – сочувственно кивнул священник, с задумчивым видом рассматривая многочисленные фотографии в комнате. Мальчик должен уразуметь, что разговаривает не с ханжой...

– Все дело в девушке, – продолжил Крэнли. – Мы познакомились в Оксфорде, в прошлом семестре, перед длинными каникулами. Понимаете, она не представляла собой ничего особенного, всего лишь компаньонка при пожилой даме. А я просто валял дурака у реки, там мы и встретились впервые. Она была с подругой, я – с приятелем, ну и мы стали встречаться. Виделся с ней очень часто и привязался. Конечно, в Лондоне я бы и не посмотрел на такую девушку, но в Оксфорде все иначе. Она тоже в меня влюбилась без ума, хотя я понимал... А потом, о Господи! Я сваял дурака. Понимаете, сэр, однажды вечером совсем потерял голову. Не знаю, как это случилось. Но что произошло, того не вернуть... Мы плавали на лодке, а вечер был изумительный, и...

– Понимаю, – с многозначительным видом откликнулся священник. – И мне доводилось бывать в Оксфорде лет двадцать назад.

Юноша улыбнулся. Оказывается, все гораздо проще, чем он предполагал.

– Да, конечно же, вы все поняли, сэр. Я просто не сдержался. Вскоре мы разъехались по домам и больше не виделись. А на прошлой неделе получил ужасное письмо, в котором говорится, что она ждет ребенка.

– И что же? – с тихим вздохом осведомился святой отец.

– Конечно, я назначил встречу на прошлый вторник, вечером. Все подтвердилось. Она посетила врача и все такое. Я чувствовал себя отвратительно и сказал, что дам денег и помогу как-то выпутаться... Но вот ведь ужас – ей не нужны деньги. Хочет, чтобы я женился.

Джеймс Холлоуэй с многозначительным видом приподнял бровь.

– И что же вы ответили? – поинтересовался он.

– Естественно, сказал, что это невозможно. Да и как я могу жениться? Да, она прелестная девушка, очень славная, но ведь даже неизвестно, благородного ли она происхождения. И потом, я ее не люблю. А что, черт возьми, скажет семья? После смерти старика я унаследую титул, и об этом нельзя забывать, хотя понимаю, что выгляжу снобом. Нет, брак с Мэри – полное безумие. Понимаете, что я имею в виду?

– Разумеется, мой милый мальчик. По-моему, о женитьбе не может быть и речи. Говорите, она отказывается от денег? – В голосе преподобного слышалась оживленная настороженность умудренного жизнью человека.

– Наотрез, сэр. Побледнела как смерть, когда я предложил. Определенно собирается родить ребенка. Говорит, что он станет смыслом жизни, и хочет, чтобы я женился и дал ему свое имя. Мэри по-прежнему влюблена до безумия и, по-видимому, не понимает, что стала мне безразлична. А если вдруг надумает явиться к моим родственникам, разразится неслыханный скандал. Слава Богу, пока молчит о ребенке. Послушайте, сэр, подскажите, как мне поступить?

Священник лихорадочно соображал. Если выручить парня из беды, естественно, можно рассчитывать на благодарность. Джеймс знал, что семья очень богата, а здоровье старого графа, по слухам, находится в плачевном состоянии. Замок Крэнли – одна из красивейших достопримечательностей Англии, и он станет там частым гостем. Графиня страстно увлечена политикой. Да, все пройдет без сучка без задоринки. Он встал со стула и, подойдя к юноше, погладил по плечу.

– Милый мальчик, – начал Джеймс, – если вы доверитесь мне, обещаю уладить сие неприятное дело. Пусть семья пребывает в неведении, ведь нужно подумать о вашем будущем положении. Что до девушки, тактично объясню ей суть дела, и не сомневаюсь, она поймет. О ней я позабочусь, так что не тревожьтесь. От вас лишь требуется назвать ее имя и адрес.

– Мэри Уильямс, сэр. Она живет в пансионате в Сент-Джонс-Вуд. В телефонной книге есть номер на имя Дэтчетт – это ее сестра, хозяйка заведения. О Господи! Вы самый лучший друг на свете! Не знаю, как вас и благодарить. Навеки ваш должник.

Священник с улыбкой протянул руку.

– Ничего удивительного, я прекрасно понимаю, через что вам пришлось пройти.

Должно быть, святой отец в свое время был большой ходок. Весьма необычно для священника, отметил про себя лорд Крэнли, а вслух сказал:

– Думаю, мне надо на время исчезнуть, выждать, пока все утрясется. Но как только вернусь, непременно приезжайте в Крэнли. Поохотимся на птицу.

После ухода гостя преподобный Джеймс вернулся в кабинет и, отыскав в книге нужный номер, снял телефонную трубку, так как всегда полагал, что надо ковать железо, пока горячо.

– Миссис Дэтчетт? Можно поговорить с мисс Уильямс? Да. Благодарю... Алло? Мисс Уильямс? Меня зовут Джеймс Холлоуэй. Я священник в церкви Святого Суизина на Аппер-Чешем-стрит. Большой друг лорда Крэнли. Мы только что расстались... Да. Окажите любезность, придите сегодня вечером в шесть. Буду рад с вами побеседовать. Хочу помочь. Да, он все рассказал. Нет, вам нечего бояться. Значит, договорились? Аппер-Чешем-стрит, дом двадцать два. Благодарю. До встречи.

Джеймс Холлоуэй положил трубку на рычаг и, вернувшись за письменный стол, пробежал глазами «Таймс».

Ага, Джордж Уиннерсли наконец отдал Богу душу. Нужно написать Лоле. Правда, сейчас она несколько поблекла, но все же не совсем утратила былое очарование. Забавно, как она вдруг ударилась в религию. Должно быть, нечто вроде разрядки. Одно время Лола зача-

стила в церковь Святого Суизина, и преподобный Джеймс вспомнил некий случай... Как бы там ни было, дело прошлое.

Он принялся перебирать в уме традиционные фразы утешения: «огромное горе», «невосполнимая утрата» и «уповаем на Господа».

Зевнув, святой отец взялся за перо. «Возлюбленная дочь во Христе», – начал он свое послание.

– Холлоуэй, вы всегда приносите удачу, и должен сказать, после нашей беседы чувствую себя гораздо уверенней. Желаете сигару?

– Сожалею, но я ограничен во времени, – вежливо отказался викарий. – Вы же знаете, я человек занятой и вскоре должен посетить одну больницу в трущобах. Рад, что оказался вам полезен, полковник. Прекрасно понимаю, какие тяготы вам приходится претерпевать.

В его голосе звучало искреннее сочувствие.

Обед в «Карлтоне» прошел успешно. Викария пригласил полковник Эдвард Трейси, выдвинутый на дополнительных выборах кандидатом от партии консерваторов в Уэст-Стофорде, а поскольку день выборов был назначен на будущий понедельник, полковник сильно волновался и нервничал.

Уэст-Стофорд – важный избирательный округ, а полковник – человек влиятельный и в случае победы будет обязан своему самому рьяному агитатору Холлоуэю значительным количеством голосов.

В успехе полковника викарий не сомневался и был весьма доволен собой.

– Нет ни малейшего повода для опасений, – заверил он с дружеской теплотой. – Большинство избирателей в Уэст-Стофорде – люди умные и умеют распознать лидера, который им требуется. И не важно, консерватор он, либерал или социалист. На их счастье, вы – консерватор. Любезный полковник, я слышал ваше выступление и знаю, о чем говорю. Вот попадете в парламент, расшевелите тамошних бездельников – и наступят кипучие времена, а? А уж когда станете членом кабинета министров, то ли еще будет! – Отец Джеймс понизил голос и многозначительно подмигнул собеседнику.

Лицо полковника вспыхнуло от удовольствия.

Этот священник на удивление славный малый, и когда он займет место в парламенте, то непременно выразит свою благодарность подобающим образом. Полковник попросил счет, и официант принес на подносе белый листок бумаги. Викарий деликатно отвернулся и галантно раскланялся с артисткой варьете, которая выходила из ресторана. «Вы прелестны, как всегда», – говорил его взгляд. Затем преподобный Джеймс встал из-за стола.

– Должен вас покинуть, любезный полковник. Потерял счет времени и не думал, что уже так поздно. Чудесный обед, и в понедельник вечером я первый поздравлю вас с победой. Нет-нет, не провожайте.

Он не спеша прошествовал по залу, горделиво запрокинув голову.

Многие посетители провожали священника взглядом. Викарий знал, какой фурор производит его персона. Например, на открытии Королевской академии святого отца приняли за знаменитого актера.

Вручив гардеробщику полкроны, он вышел на улицу, где его ждал автомобиль «вулзли».

– Езжайте в Ист-Энд, в местный дом призрения для увечных. И поторопитесь, – обратился он к шоферу.

Машина шла на полной скорости по Сити, а викарий отдыхал, откинувшись на спинку сиденья. Еженедельные посещения и беседы с инвалидами требовали большого напряжения ума. Часто люди находились в мрачном расположении духа и ничего не желали слушать, но викарий льстил себя надеждой, что всякий раз производит надлежащее впечатление на

несчастных. Джеймс вспомнил, как в прошлом году в Пентонвилле один мальчик проникся к нему симпатией, и это выглядело весьма забавно, и не только он... Машина затормозила возле дома призрения, оборвав ход мыслей викария.

Святого отца встретила улыбающаяся сиделка.

– А мы уж боялись, вы не приедете, мистер Холлоуэй.

– С трудом вырвался, сестра. Пришлось, к всеобщему недовольству, прервать важную политическую встречу.

Нет нужды объяснять, что он был единственным гостем на обеде. Эти сиделки все принимают за чистую монету.

– Мистер Холлоуэй, мы собрали двадцать пять человек в большой палате, и я искренне рада, что вы можете уделить больным часок. Они совсем упали духом, а вы, уверена, приободрите несчастных.

Викарий зашел в палату, и в душу закрались сомнения. Примерно четверть увечных лежали пластом на кроватях, а остальные сидели в инвалидных креслах в окружении подушек.

Вперед выступил суетливый низенький врач.

– Как мило с вашей стороны, любезный викарий. Больные с нетерпением ждали вашего визита. Даже не представляете, – добавил он шепотом, – каким благом являются ваши беседы. Они вселяют в несчастных желание жить и облегчают нашу задачу. Нет слов, чтобы выразить благодарность. Ведь здесь много очень трудных пациентов, верно, сестра?

Он повернулся к сиделке, и та согласно кивнула. Викарий взял ее за руку.

– Знаю-знаю, какие тяготы вам приходится претерпевать, – шепнул он.

Врач и сиделка вышли, оставив преподобного отца наедине с инвалидами. Джеймс Холлоуэй сразу же вошел в роль утешителя, наделенного хорошим чувством юмора, и благодаря бодрому звучному голосу и личному обаянию вскоре завоевал внимание небольшой группы людей, обреченных до конца дней глазеть в потолок, лежа на спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.